ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ (НА ПРИМЕРЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)

Р.А. Сулейманова

Аннотация. Фразеологизмы в своей семантике отражают процесс исторического развития народа. В них проявляются культурные традиции и обычаи, которые веками передаются из поколения в поколение. Фразеология башкирского языка исследована в основном в семантическом аспекте. Осуществлена систематизация по смысловому содержанию и грамматической структуре фразеологических единиц. Изучение же фразеологических единиц в с использованием культурных кодов осуществляется впервые. Исследование фразеологизмов в культурно-языковом аспекте дает возможность более глубокого изучения жизни, культуры и мировоззрения башкирского народа. Образная основа большинства фразеологизмов связана с древними верованиями. Актуальность вышеописанной проблемы обозначила цель данной статьи – осуществление лингвокультурологического описания фразеологизмов через коды культуры, фиксируемые и воплощаемые во фразеологических единицах. Коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями, так как именно в них зафиксированы «наивные» представления о мироздании. Нами выделены следующие главные коды культуры: соматический, биоморфный, предметный, мифологический. Значимую роль в образовании фразеологизмов башкирского языка, как выяснилось, сыграли соматизмы баш «голова», кул «рука», йөрәк «сердце», күз «глаз», колак «уши», аяк / бот «нога», тел «язык», бит / йөз «лицо», кендек «пупок», кан «кровь», йән / күнел / кот «душа», бил «поясница». Мифологический код культуры позволил выявить фразеологизмы с компонентами ете «семь», алып / алап / алп «герой», «богатырь», «великан», ай «месяц, луна», кояш / көн «солнце», күк «небо». Посредством биоморфного кода культуры объясняется происхождение фразеологизмов с компонентами ат «лошадь», дилбегә «вожжи», тәртә «оглобля», дөйә «верблюд», эт «собака», бесәй «кошка», арыслан «лев» и др. Предметный код культуры позволил обнаружить отражение в башкирских фразеологизмах таких предметов быта башкир, как утын «дрова», бүрәнә «бревно», кәмә «лодка», ук «стрела», балта «топор», тирмән «мельница», усак «огонь, костер, очаг», ком «песок», казан «казан, котел», иләк «сито», энә «игла», күлдәк «платье», күн «сукно», сабата «лапти» и др. Практическая значимость работы заключается в том, что материалы, анализируемые в данной работе, могут быть использованы при углубленном изучении фразеологических единиц в тюркских языках, в том числе и в башкирском.

Ключевые слова: башкирский язык; фразеология; фразеологические единицы; лингвокультурология; коды культуры.

Введение

Язык – неотделимая часть национальной культуры. Он не только является духовным наследием, но и выступает мощным воздействующим

щим фактором дальнейшего развития национальной культуры. Башкирский язык, как и другие языки, будучи явлением, вобравшим в себя знания из различных научных областей, своим словарным богатством, фразеологическим миром закрепляет исторический опыт народа, отражает его внутренний мир, особенности менталитета, обеспечивая единство и преемственность культурных традиций.

Фразеология (греч. *phrasis* – выражение и *logos* – учение) – раздел науки о языке, изучающий устойчивые сочетания слов. Термин «фразеология» иногда заменяет сочетание «фразеологический фонд языка», который понимается как совокупность устойчивых сочетаний в языке в целом.

Объектом изучения фразеологии являются фразеологические обороты, т.е. устойчивые сочетания слов, аналогичные словам по своей воспроизводимости в качестве готовых и целостных единиц.

Фразеологические единицы являются своеобразным языковым явлением, характеризующимся переносным значением и нечленимостью. В отличие от простых слов и словосочетаний, они делают речь образной, красивой и впечатляющей. Роль фразеологических единиц в языке определяется и тем, что, помимо выполнения коммуникативной функции, они имеют и эстетическую значимость.

История изучения башкирской фразеологии связана с развитием лексикографии. Монография С.Н. Муратова «Устойчивые словосочетания в тюркских языках» считается первым исследованием по сравнительному изучению башкирской и татарской фразеологии [1]. В труде Х.Г. Юсупова «Фразеология башкирского языка», написанном на основе фактического материала из романа «Иргиз» Х. Давлетшиной, описываются стилистические функции фразеологизмов в художественном тексте [2]. В книге «Лексика и фразеология башкирского языка» Дж.Г. Киекбаев дает смысловую и грамматическую классификацию фразеологических единиц и выделяет такие их основные типы, как простые фразеологические сочетания, идиоматические выражения, пословицы и меткие слова [3]. Значительный вклад в изучение теории фразеологии внес башкирский ученый З.Г. Ураксин, который в своем исследовании «Фразеология башкирского языка» провел системный семантический, грамматический и синтагматический анализ фразеологических единиц, определил их парадигматические и трансформационные особенности, а также этимологию [4]. В трудах этого автора фразеологизмы башкирского языка систематизированы в словарях «Русско-башкирский фразеологический словарь» [5], «Фразеологический словарь башкирского языка» [6].

Фразеологизмы башкирского языка по своему происхождению делятся на исконно башкирские, т.е. издавна бытовавшие в среде башкир, и заимствованные. Большая часть башкирских фразеологизмов

своими корнями относится к общетюркскому пласту. Основными источниками образования фразеологизмов любого языка, в частности и башкирского, являются разговорная речь и образцы устного народного творчества: ай үсәһен көн үсәү (быстро, на глазах расти); арбаһына ултырыу (сесть в чужие сани; мыслить и делать что-то по мнению другого человека); аркан буйы (так говорят по отношению к краешком видному восходящему или заходящему солнцу); аркыры аяк (порочное обозначение человека с неуклюжей походкой); ат дағалағанда бака (тәлмәйһен) ботон кыстырған (говорят о человеке, встречающего в важное дело) и др.

Процесс рассмотрения башкирской фразеологии предполагает доказательство следующих гипотез: а) большинство фразеологизмов отражает «следы» национальной культуры; б) информация о культуре народа хранится во внутренней форме фразеологических единиц, являющейся образным представлением о мире, придающей фразеологизму культурно-национальный колорит; в) важным моментом процесса определения культурно-национальной специфики является необходимость раскрытия культурно-национального смысла.

Методология и материалы

В современной языковедческой науке разработано немало различных методик для лингвокультурологического анализа фразеологических единиц. В данном же исследовании осуществление лингвокультурологического описания фразеологизмов предполагается через коды культуры, фиксируемые и воплощаемые во фразеологических единицах.

Коды культуры соотносятся с архетипическими представлениями, так как именно в них зафиксированы «наивные» представления о мироздании. К главным кодам культуры относятся соматический, биоморфный, предметный, мифологический.

В объяснении фразеологической системы башкирского языка наиболее приемлем соматический код – один из древнейших и основных по своей значимости во всех культурно-национальных картинах мира кодов, носителем которого является человеческое тело, связанного с тем, что человек пытается описать себя и мир вокруг себя через самого себя, а значит, в первую очередь, и через свое тело. Фразеологические единицы, содержащие соматизмы, имеют значительное место во фразеологическом фонде башкирского языка и отличаются высокой частотностью употребления.

Результаты исследования

Наиболее часто употребительной лексемой во фразеологизмах башкирского языка является слово баш ‘голова’ – символ ума, интел-

лекта, мысли. В связи с этим вытекают следующие основные коннотативные значения соматизма:

1. Рассудительность и ум или их отсутствие: башы эшлэй 'голова работает', башы йоморо досл. 'круглая голова', соотв. 'голова (котелок) варит', башы бар досл. 'есть голова', соотв. 'голова на плечах' – об умном человеке, ахмак баш досл. 'дурная голова', соотв. 'голова садовая', тауык баш соотв. 'курья голова', ахмак баш досл. 'без ума', соотв. 'голова еловая' – о глупом, недалеко человеке и т.д.

2. Качества человека (характер): дыуамал баш соотв. 'сумасброд'; кызыу канлы досл. 'с горячей кровью' соотв. 'горячая голова' – о пылком человеке: баш эймәс соотв. 'непокорная голова' – о непокорном человеке.

3. Поведение, состояние человека: башына тай типкән досл. 'в голову лягнул жеребец', соотв. 'не все дома', башты алыотка һалыу соотв. 'прикидываться дурачком', баш тартыу досл. 'голову отвести', соотв. 'отказаться от чего-либо'; баш ватыу досл. 'ломать голову'.

4. Значение способности сосредоточиться, воли: башын юғалтмау 'не терять головы'.

5. Потеря спокойствия, игнорирование неприятных моментов: башын түбән эйеү 'повесить голову / понурить голову'; комға башын тығыу 'зарыть голову в песок'; бөттө баш (калды муйын һерәйеп) 'опечалиться, переживать'.

6. Слово «голова» приобретает значение «жизни», поскольку является жизненно важным органом: башың менән яуап биреү 'поплатиться головой'.

Широко распространенными в башкирской среде являются фразеологизмы со словом кул 'рука'. Как считают башкиры, рука бывает легкой, тяжелой, о чем свидетельствуют фразеологизмы кул арты ауыр, кул арты еңел. К примеру, фразеологизм кул <арты> (кулы) ауыр употребляется по отношению к человеку, после дел которого начинаются неудачи, сопровождаемые даже мором скота. Выражением еңел куллы (кулы еңел) отмечают человека, у которого все начатые дела заканчиваются удачно, фразеологизм еңел кулдан (булһын) означает пожелание удачного завершения начатого дела, также есть выражение еңел кулдан (кул менән) 'поверхностно выполненное (дело)'.

Существует у башкир и поверье по поводу того, мягкая или жесткая рука: у кого рука мягкая, у того, говорят, доброе сердце, человек с жесткой рукой, напротив, говорят, бывает жестким, жестоким, злым.

Компонент кул, являющийся также символом деятельности, работы, власти, часто употребим в составе различных фразеологизмов со следующими коннотативными соматическими значениями:

1. Со значением «нахождения»: кулына төшөү (эләгеү) 'попасть в (что-либо) руки, оказаться в чьем-либо владении, распоряжении',

нимәгәлер кул һалыу/ нимәнелер кулға төшөрөү ‘наложить руку на что-либо/ прибрать что-либо к рукам/ взять в свои руки’, үзенде кулға алыу ‘взять себя в руки’; кулыңды ал ‘руки прочь’; кул осонда, кул астында ‘рядом, близко/ под чьим-то руководством’.

2. Со значением характера, возможности-невозможности деятельности: аяк-кулы бәйле (кемгәлер бәйле булыу) ‘быть связанным по рукам и ногам’, ике кулды (ла) бәйләү ‘связать обе руки, мешать работе’, ике кулһыз (булыу, калыу) ‘остаться без обеих рук, нет возможности что-либо делать’, кул теймәй (етмәй) ‘нет возможности что-то делать’, дилбегә кулдан ыскыныу досл. ‘выпустить вожжи из рук’ соотв. ‘лишиться качества руководства’, дилбегәне кулға алыу досл. ‘взять вожжи в свои руки’ соотв. ‘взять руководство в свои руки’, ике (куш) куллап (каршы алыу, кабул итеү) досл. ‘обеими руками’ соотв. ‘очень охотно’, кул араһына (кул астына) инеү ‘становиться помощником, взрослым, подмогой в работе (о подрастающих детях)’, кул барыу ‘подходить, быть подходящим’, кул башлау ‘начать работать, действовать’, кулдан килеү ‘быть способным к какому-то делу’.

3. Со значением «мастерство, качество работы»: алтын кулдар ‘золотые руки’, кулына күз эйәрмәй ‘не покладая рук, умело, усердно’, кулда ут уйнау досл. ‘огонь играет в руках’ соотв. ‘усердно, охотно работать’, кулы кулға теймәй ‘умело работать’.

4. Совместной работы, характера взаимопомощи: кул алмаш досл. ‘руку меняй’ соотв. ‘выполнять работу со взаимопомощью’, кулға-кул тотоноп (эшләү) досл. ‘(работать), взявшись за руки’ соотв. ‘работать совместно’; кулдан килгән тиклем ‘по мере возможности (о помощи)’, кул ялғау ‘работать совместно, со взаимопомощью’.

Широко распространенный компонент во фразеологизмах – йөрәк ‘сердце’, из древних представлений башкир являвшийся органом-вместилищем души, чувств, переживаний, показателем настроения, употребляется со значением искренности: ысын йөрәктән ‘от чистого сердца’; боли: йөрәгенә кан һауыу ‘сердце кровью обливается’, йөрәге һызлай ‘сердце болит’, йөрәге өзгөләнә ‘сердце (душа) надрывается’, йөрәк калтырай ‘сердце замирает’; удачи: йөрәген яулау ‘покорить чье-либо сердце’; переживания, испуг: йөрәгенә якын алыу ‘принимать что-либо близко к сердцу’; йөрәк жыу итеп калды ‘сердце упало (оборвалось)’; йөрәккә кан һауа, йән әсей (ауыр тойғонан, һағыштан һ.б.) ‘сердце кровью обливается, искренне переживать за кого-то’. йөрәге табанына төштө ‘душа ушла в пятки’.

Фразеологизмом-соматизмом алтын йөрәкле, зур йөрәкле частенько используют для описания положительных человеческих качеств: ‘иметь золотое / доброе / большое сердце’. Сердце также достаточно часто связано с понятием любви: йөрәген асыу ‘открыть сердце / отдать кому-то свое сердце’.

Соматизм күз ‘глаз’ также широко представлен во фразеологических единицах башкирского языка. Например, в таких фразеологизмах, как күз нуры, гәләм күзе (күк көмбәзе), он обозначается как самый ценный и удивительный дар природы. Как считают башкиры, у всего окружающего нас есть глаза, например, глазами неба являются звезды (йондоз), земли – родники (күзләү, күзләүек). А человек, кроме глаз на лбу (манлай күзе), имеет, должен иметь глаз души (күңел күзе), являющийся в башкирском сознании очень важным, о чем и свидетельствуют народные пословицы: күңел күзе күрмәһә, манлай күзе күрмәй ‘если глаза души не видят, то глаза на лбу тоже не видят’; күз – күңелдең көзгөһө, күз – күңелдең шишмәһе ‘глаза – зеркало души, глаза – родник души’.

Как свидетельствует анатомия, глаза выделяют слезную жидкость, передавая самую разнообразную информацию, вместе с тем являясь показателем внутреннего состояния человека: ихлас илаһаң, һуқыр күззән дә йәш сыға ‘если очень хочется плакать, то и из слепых глаз слезы текут’.

Соматизм күз является компонентом огромного количества башкирских фразеологизмов: ике күзе дүрт булыу ‘сильно удивиться, поражаться’; ике күзе ут кеүек ‘глаза горят, сияют’, икенсе күз менән карау ‘смотреть другими глазами’, күз алдында ‘на виду, перед глазами; на глазах’; ‘вблизи, рядом; в памяти’, күз артына килеү (или басыу) ‘встать перед глазами (мысленно)’, күз алдына килтереү ‘воображать, представлять’, күз алдында тороу / күз алдынан китмәү ‘стоять перед глазами, не забываться’, күз алды караңғыланыу ‘помутиться в глазах’; күз алмашыныу ‘рябить в глазах’; күз артымда ‘за глаза; в отсутствие кого’; күз аскыһыз ‘очень сильный (о метели, густом тумане, дыме и т.п.)’, күз асылыу ‘почувствовать облегчение; научиться читать и писать, стать грамотным’; күзе асылмаған ‘незрячий, слепой (например, о котятках)’, ‘неспелый (например, о ягодах)’, күз асып йомғансы / күз асып йомған арала ‘в одно мгновение: в мгновение ока’, күз атыу ‘заглядываться на кого, симпатизировать кому’; күз бағыу ‘надеяться, возлагать надежды на кого’, күз караһы кеүек (караһылай) (күреү, һаклау) ‘как зеницу ока (хранить)’, күз қасырыу ‘скрывать суть дела’, күз-колак булыу ‘охранять, присматривать’, күз коросо ‘зрячий дар глаза’, күз корто ‘вещь, на которую глаз заставляет зраться’, күз кызыу (кыйыу) ‘зариться на что-то’.

Соматизм колак ‘уши’, как один из основных информационных каналов человека, также широко употребим во фразеологическом фонде башкирского языка: колакка киртеп куйыу соотв. ‘зарубить (себе) на носу’, колактың осо менән генә (ишетеп калыу) соотв. ‘краем уха (слышать, слушать)’, колак итен ашау (сәйнәү) соотв. ‘прожужжать (все) уши’, колакка элмәү (алмау) соотв. ‘пропускать (пропустить) мимо ушей’, колағынан тартып йөрөтөү (укыуында, эшендә нык ярзам

итеу) соотв. ‘тащить (тянуть) за уши’, колакты яра (йәмһез йырлау, һүгенәү тураһында) соотв. ‘ухо (уши) режет’, колакка ятмас, эт ашамас (һүз, хәбәр) соотв. ‘уши вянут’, кейез колак, каты колак ‘тугоухий’, колағы осло ‘очень чуткий, способный быстро понять суть речи’.

Уши у башкир ассоциируются с тайной, с желанием ее распознать: ике колак булып (тыңлау) соотв. ‘превращаться, превратиться в слух’, колак(ты) карпайтып тыңлау, ауыз асып тыңлау соотв. ‘развешивать / развесить уши’, колағы карпайып тора (һәр төрлө хәлгә эзер, бик уяу, һак) соотв. ‘ушки на макушке’ и т.д.

Соматизм аяк ‘нога’, символизирующий движение, скорость, в башкирских пословицах часто противопоставляется голове и связанному с ней ментальному началу в человеке: башың эшләмәһә – аяғыңа көс ‘дурная голова ногам покою не дает’, во фразеологическом фонде башкирского языка довольно часто выражают значение уверенности в себе, успешности, устойчивости в прямом и в переносном смысле: ерзә нык басып тороу ‘стоять обеими ногами на земле’, кара ергә аяк басыу ‘обрести (твердую) почву под ногами’, аякка басыу ‘встать на ноги’, аяк астындағы ерзе тоймау, аяғында басып тора алмай ‘выбить почву из-под ног, ноги не держать’. В произведениях башкирского фольклора очень часто используется фразеологизм по отношению к земле, территории: эзәм аяк басмаған (урын, ер) ‘(место), куда не ступала нога человека’, в обиходной речи встречается также выражение аяк басмау ‘ноги не будет’.

Для башкирского народа характерно также разделение семантики правой и левой ноги (как и руки): «правый» обозначает что-то правильное, важное, а «левый» – неправильное, например: уң аяктан башлау, уң кул менән эш башлау ‘хорошо начать что-либо’; һул аяк менән тороу (инеу) ‘встать (войти) с левой ноги’, аяғы ауыр ‘быть очень неловким, неуклюжим человеком’.

Синонимичное лексеме аяк слово бот также нашло отражение во фразеологических единицах башкирского языка: бот буйы ‘от горшка два вершка (букв. ростом с ножку – обычно о ребенке)’, бот күтәрәп ятыу ‘лодырничать, бездельничать (букв. лежать на боку)’, бот сабыу ‘всплеснуть руками (при сильном удивлении)’.

Одно из самых великих творений человечества – соматизм тел ‘язык’ также нашло самое широкое употребление в башкирских фразеологизмах.

Больше всего фразеологических выражений встречается по отношению к болтливому человеку: теле телгә теймәү (йокмау) / теле сарлап куйған кеүек / теле табанына еткән / теле тышау тотмай / тел биштәһә / телгә бөткән / тел менән (тел дә) янак / телгә һалышыу (һалыныу) / озон тел / коро тел / теле ауызына һыймай / теле менән тирмән тартыу (таш ярыу) / теленә шайтан төкөргән / тел сарлау / тел һатыу.

По отношению к язвительным, острым на язык людям употребляются выражения эрем (эсе) тел(ле) / теле эрем (эсе) / бысак телле (теле бысак кеүек) / теле тимер тишэ / тел тигэндэ телеп хала / тел кайрау.

Выражений со значением ‘молчать, держать язык за зубами’ встречается гораздо меньше: телде йотоу / телде телшлэу / телде тыйыу / телен ете йозакка бикләу.

Соматизм тел встречается и во фразеологизмах, связанной с пищей, едой: теленде йоторлок ‘очень вкусно’, бэлэкэй телгэ лэ теймэу ‘очень мало (о пище, угощении)’; тел өстөнэ халырлык (азык юк) ‘ни кусочка еды’.

Компонент тел также очень часто встречается в составе других фразеологизмов с различными коннотативными значениями: тел етмэу ‘не найти подходящего слова’, тел аскысы ‘мастерство слова’, тел төбө ‘суть речи’, тел асылуу ‘начать разговаривать (о детях)’, тел асыу ‘говорить, высказывать мысль’, тел бэйләнеу ‘по неким причинам невозможность говорить’, телде аркыры телшлэу ‘очень сильно устать, изнемогать’, кош телендэй ‘коротенький (о письме, записке)’, агас тел(ле) / теле агас ‘невежливый, грубый человек’, телен сисеу ‘разговорить’, телгэ алыу ‘упомануть’, телгэ килеу ‘начать говорить’, телдэн калыу / телдэн языу ‘резко замолчать, потерять способность говорить’, телдэн төшмэу ‘всегда быть упомянутым в речи’, тел күтәреу / тел калкытыу ‘решиться говорить’, тел тейзереу / тел яғыу ‘осквернить, обвинить словом’, тел-теш күрһәтеу ‘высказываться против’ и др.

Во фразеологизмах башкирского языка частотностью употребления отличаются также соматизмы бит, йөз ‘лицо’: йөз аклыгы ‘авторитетность, гордость’, асык (или якты) йөзлө ‘приветливый, искренний’; ике йөзлө ‘двуличный’; йөз асылуу ‘просветлеть в лице’, ‘проявить радость’, йөзгә бәрәп әйтеу ‘сказать в лицо, прямо’, йөзгә (биткә) кара яғыу ‘очернить, оклеветать’, йөзгә (биткә) кызыллык килтереу ‘оконфузить, поставить в неудобное положение’, йөз менән боролоу ‘направить все внимание’, йөз сөйөү (сөйөрөү) ‘передумать’, йөз тотоу ‘взять какое-то направление’, йөз һөртөү ‘почтительное поклонение’, йөз һытыу (сырылтыу) ‘показывать недовольство’, йөз һыуы ‘честь, совесть’, бит бешәу ‘краснеть за что-л.’, битен йыумаған беззастенчивый, бессовестный; бесстыжий (прост.), бит йыртыу ‘позорить, срамить’, биткә төкөрөү ‘публично опозорить’, биттән алыу ‘отругать в присутствии других’, бит һыйпау ‘остаться с носом’, ‘обмануться в расчетах’, бит һыуын түгеу ‘унижаться’, көн бите ‘солнечная сторона; солнцепек’.

Башкиры с особым вниманием относились к понятию кендек ‘пупок’, мифологизированной части тела, охраняющей, оберегающей человека. Это явление также нашло отражение во фразеологизмах башкирского языка: донья кендеге (или тоткаһы) ‘пуп земли’, кендек таҫтары ‘подарок для повивальной бабки’, кендеге йәбешкән (или

канай) ‘неразлучные друзья’, кендек йәбешәү ‘быть привязанным к чему-либо’, кендек каны тамған ер йәки кендек киҫкән ‘родина’, кендек катқан ‘конец весны, начало лета’, үз кендеген үзе киҫәү ‘быть в состоянии ухаживать за собой’.

Соматизм бил ‘поясница’ также выступает компонентом огромного количества башкирских фразеологических единиц: бил бөгәү ‘гнуть спину’, билгә һуғыу ‘препятствовать, воспрепятствовать чему, тормозить что’, билде биштән быуыу ‘взяться за что-л. с большим желанием, душевным подъемом’, бил язмай эшләү ‘работать, не разгибая спины’, кырмыска бил ‘с тонкой талией, стройная (о девушке)’, биле ер күрмәгән ‘непобедимый, несокрушимый в борьбе, состязаниях’, билен (арка һөйәген) һындырыу ‘привести в пух и прах, разгромить’, биленә һуккан йыландай (булыу) ‘оставшись в трудном положении, сильно переживать’.

При изучении соматизмов как компонентов фразеологических единиц считаем целесообразным рассмотреть и лексемы кан ‘кровь’ и йән ‘душа’, имеющие непосредственное отношение к человеку.

С помощью лексемы кан ‘кровь’ образовано довольно большое количество фразеологизмов: йөрәк каны ‘самое святое’, ‘самое дорогое’, кан илау ‘горько плакать’, кан йотоу ‘сильно горевать’, кан-йәш түгеү ‘проливать кровавые слезы’, кан эсеү ‘притеснять, угнетать’, бер тамсы (или калак) кан калғанса (һуғышыу) ‘до последней капли крови, до последней возможности (сражаться)’, битендә каны юк ‘бессовестный, бесстыдный’, канға тоз һалыу ‘раздражать’, канға һеңеү ‘быть в крови у кого’, канға һыуһау ‘жаждать крови’, канды бозоу ‘портить кровь кому’, ‘раздражать кого’, канды йыуыу ‘смыть обиду кровью, отомстить’, канды кайнатыу ‘злить; доводить до белого каления’, канды кыззырыу ‘раздражать, нервировать’, кан йотоу ‘сильно переживать, испытывать горечь’, кан йүгерәү ‘покраснеть (о лице)’, кан кибеү ‘сгореть от переживаний, горя’, кан кайнау ‘разгорячиться, разъяриться’, кан көйөү ‘сильно хотеть пить, испытывать жажду’, кан карайыу ‘почернеть от гнева’, кан касыу ‘побледнеть, побелеть’, кан койоу ‘проливать кровь’, кан короу ‘сильно похудеть, иссохнуть’, кан кызыу ‘злиться, доходить до белого каления’ и др.

Об особом отношении башкир к понятию йән ‘душа’ и смыслу этого слова говорят фразеологизмы, функционирующие в башкирском языке. Например, йән алыу ‘убить’, досл. взять душу, йән биреү ‘умереть’, досл. отдать душу, йән кереү ‘ожить’, досл. вхождение души, йәне инәле-сығалы ‘при смерти’, йән үксәгә китеү ‘душа ушла (упала) в пятки’ (ср.: кот осоу ‘отлет души’), йән боғазға килеү, йән бөркөү и т.д.

Башкирское йән ‘душа’ восходит к персидскому слову جان джан. Данное слово, как отмечает Э.Ф. Ишбердин, проникло в эпоху образования башкирского народа и его языка и полностью подчиняется фоно-

морфологическому строю данного языка [7. С. 35]. Функционирование с древних времен слова йән ‘душа’ в тюркском мире доказывает и то, что оно зафиксировано в словаре В.В. Радлова [8]. Такого же мнения придерживается и А. Гафуров. Он считает, что джан – слово иранское, более вероятно считать его тюркским [9. С. 42]. Данная лексема употребляется во многих тюркских языках.

В Академическом словаре башкирского языка отражены семь значений этого слова:

1. Душа/Духовный (внутренний мир человека).
2. Душа (человек, с теми или иными свойствами характера). Изге йән /Святая душа/. Һатлык йән /Продажная душа/.
3. Душа (жизнь). Йәнде аямау /Не жалеть душу (жизнь)/.
4. Душа, человек.
5. Подушное число.
6. Душенька, дорогой (ласковое обращение).
7. Душа, по представлениям башкир, может жить автономно, улететь после смерти человека, войти в нового человека [10. С. 768–769]. По поверьям башкир, в момент первого крика новорожденного происходит йән кереү – вхождение души. И с этого момента ребенок получал статус одушевленного человека. «Именно с этого момента о ребенке говорили, что в него вселилась душа! (“йән керзе”, т.е. душа вошла)» [11. С. 93]. Если младенец не подавал признаков жизни (не кричал), повитуха, повторяя имя отца новорожденного, немедленно начинала обряд йән сакрыу – зазывание души. Для этого она громко звенела железными предметами и стучала по подносу. Считалось, что громкие звуки и стук по железу привлекали душу, и она входила в новорожденного.

С синонимичным соматизму йән лексемой күңел также очень много фразеологических единиц наблюдается в башкирском языке: ихлас күңелдән / күңел менән ‘всею душой, с увлечением’, күңел аскысын табыу ‘найти подход, найти ключ к сердцу’, күңел асыу ‘развлекаться, веселиться’, күңел ашкыныу ‘порываться душой, всем сердцем’, күңел басылуу ‘успокаивать, утешать себя чем-то’, күңел бизеу ‘разлюбить’, күңел биреу (или һалуу) ‘предаваться всею душой кому-чему; вложить душу в кого-что’, күңел болғаныу (или уйнау) ‘вызывать тошноту; тошнить’, күңел бөтөү ‘быть довольным чем, радоваться чему’, күңел булыу ‘удовлетвориться, довольствоваться чем-то’, күңел булыу ‘освободиться от тяжелых дум, почувствовать душевное облегчение’, күңелгә ауыр алыу ‘принять близко к сердцу; обидеться’, күңелгә йылы өрөү ‘обнадеживать’, күңелгә килеү ‘предчувствовать (что-либо неприятное)’, күңелгә окшау ‘понравиться’, күңелгә таш (ут) һалуу ‘омрачать, вселить тревогу’, күңелгә тейеү ‘вызывать тошноту, отвращение’, күңелгә төйөн (төйөр) булыу ‘быть камнем на сердце’, күңелгә һенеү ‘запасть в душу’ и др.

В лексиконе башкир особое занимает и близкое по своему значению вышеназванным йән и күнел лексема кот, которая также является активным компонентом фразеологических единиц: кот алыныу (или калмау) ‘сильно испугаться’, кото бот буйына китте ‘он сильно испугался; у него душа ушла в пятки’, кот койоу (уст. вид лечения от испуга; над головой больного держат сосуд с водой и льют в воду расплавленный свинец; по отлившейся фигурке отгадывают существо, которое якобы испугало больного, расплавленный свинец в дальнейшем как фигурка-оберег носится на груди); кот оскос ‘страшный, ужасный’, кот осоу ‘сильно испугаться’, кот сабыу (или алып касыу) – (этно.) ‘гнаться за счастьем, догонять счастье (во время проводов невесты родственники жениха увозят горшок сметаны или меда, а родственники невесты гонятся за ними; если родственников жениха не догонят, они разбивают горшок о свою телегу, при этом считается, что их дом будет процветать; если же родственники невесты отнимут горшок, то счастье якобы остается в доме невесты), котто алыу ‘сильно испугаться’, котто осороу ‘нагнать страху’.

Образование фразеологического фонда башкирского языка можно объяснить также посредством мифологического кода культуры. Примеров фразеологизмов, образованных на основе мифологических представлений, поверьев, народных обычаев, ритуалов, обрядов, а также и религиозных верований, можно привести достаточно много. Так, например, фразеологизм бөркәнсектә тыуыу дословно обозначающий ‘родиться в сорочке’, образован на основе народного поверья, согласно которому у младенца, родившегося в плодном пузыре, будет счастливая жизнь.

В древней мифологии башкир особая роль отводилась числу семь, считалось, что земля, небо состояли из семи слоев, это также отразилось в образовании таких фразеологических единиц: ете атаһына етеу ‘сильно ругать кого, перемыть все косточки’, ете быуын ‘семь поколений (исчисление поколений, знание которого было обязательным для каждого мужчины)’, ете кат ер асты ‘глубокое подземелье’, ете кат тирене тунау ‘драть семь шкур с кого-то’, ете кат тир сыккансы тырышыу, эшләу ‘до седьмого пота трудиться, работать’, ете төн уртаһы ‘глубокая ночь’, ете ят ‘седьмая вода на киселе’, ете ятып, бер төшкә инмәу ‘ни разу не вспомнить о ком-чем’ и др.

Среди башкирских фразеологизмов встречаются такие, компонентом которых является лексема алып / алап / алп ‘герой’, ‘богатырь’, ‘великан’, восходящая к древнетюркскому alp: алп йөрәкле ‘неустрашимый, смелый’, алап кеүек ‘большой’. Считаем целесообразным внести некоторые пояснения относительно данного мифического героя.

В легендах и сказаниях разных народов можно встретить образы некогда живших великанов-алпов. Горы возникли либо из камней, которыми бросались алпы-батыры, либо из тел самих богатырей.

Интересен тот факт, что в демском говоре башкирского языка существует слово ‘алпаниса’, что в переводе означает «большой человек». Также в башкирском народном творчестве данное слово встречается в значениях «великан», «герой», «богатырь». Например, алп анан тыуыр, арғымак бейәнән тыуыр /богатыря родит мать, скакуна – кобылица/ (пословица).

Башкирские легенды о происхождении гор от великанов-алпов и рождении самих алпов из гор, отличаясь этническим своеобразием, типологически сходны с легендами-сказаниями, сложившимися в догосударственную эпоху в фольклоре о нартах, в фольклоре финно-угорских народов о камнях-скалах и героических исполинах [12. Т. II. С. 483]. Так, в башкирской легенде «Двугорье Алпа-кум», записанной в Илишевском районе Республики Башкортостан, говорится, что в старину жили алпы – могучие люди огромного роста. Один из них подался в эти края в поисках сородичей. Решил он присесть и отдохнуть. Снял обувь, а в ней полно песку. Человек из племени алпа высыпал песок из своей обуви и отправился дальше. А тот песок, что он вытряхнул из обуви, остался возвышаться двумя горами, расположенными друг около друга [Там же. С. 39]. Сходная легенда существует у чувашей.

Мифологический код культуры предоставляет возможность объяснить происхождение некоторых фразеологизмов и на основе религиозных верований, например: алланың кашка тәкәһе (очень дорогой; неприкосновенное лицо; по религиозным верованиям – название скота с белой отметиной, который приносили в качестве жертвы в честь Аллаха); ак корбан салыу (приношение в жертву скота белого цвета с пожеланием здоровья тому или иному лицу, или в целях исполнения того или иного пожелания) и др.

Во фразеологическом фонде башкирского языка немалую долю имеют фразеологические единицы с основами мироздания, символами дня и ночи, света и тьмы – ай ‘месяц, луна’ и кояш или көн ‘солнце’: ай-кояш булыу (хорошее, теплое отношение к кому-либо); ай за кояш (добродушный, приветливый); ай күрзе, кояш алды (говорят о человеке, внезапно исчезнувшем из виду), айзы күккә сығарыу ‘со всеми усилиями добиться своего’, күңел кояшы (говорят о воодушевляющем возлюбленном), кояш тискәре (кире) яктан сығыр (сыкмаһа ярар ине) ‘как бы солнце не взошло с другой стороны’ (говорят по отношению к человеку, сделавшем непривычное для его натуры), кояшы байыу ‘угасание славы, конец жизни’. Также заслуживают отдельного внимания такие фразеологизмы с символами дня и ночи, в которых задействованы и соматизмы бит и колак, эти фразеологизмы характеризуют как состояние самих солнца и луны, природы: ай битен йыуа ‘луна моет лицо’ (говорится по отношению к дождю после новолуния), ай колаклары досл. ‘луна обрела уши’ (говорят о луне зимнего периода,

у которой с двух сторон появляются очертания), көн бите ‘солнечная сторона; солнцепек’, так и человека: бер бите ай, бер бите көн досл. ‘одно лицо – месяц, другое лицо – солнце’ соотв. ‘очень красивый’ (по отношению к представителям женского пола).

Лексема күк ‘небо’ также является компонентом немалого числа фразеологических единиц: күктең төбө төшкән (тишелгән) досл. ‘дно неба продырявлено’ (так сетуют по отношению к неустанно льющему дождю), күктән алып (һөйләү) досл. ‘взяв с неба (говорить)’ соотв. ‘говорить неправду, высасывая из пальца’, күктән төшкән кеүек (төшкәндәй) ‘как с небес свалился’ (говорят о неожиданно, внезапно появившемся человеке или нахлынувшем обстоятельстве), күктән төшөү ‘свалиться, спуститься с небес’ (неожиданно получить что-то), күктән төшмәгән ‘не с неба свалился’.

Происхождение довольно большого количества фразеологизмов башкирского языка можно объяснить посредством биоморфного кода культуры, связанного с живыми существами, населяющими окружающий мир. Общеизвестен, к примеру, факт явления одним из основных предметов культового почитания башкирского народа лошади, служившей и рабочей силой, и транспортным средством, и источником существования башкир, широко использовавших на кухне, в медицине и в быту конину и жир – основу казылыка, кумыс, лошадиную кожу, шкуру, сухожилия, конский волос. А по поводу того, что конь был верным спутником башкирского воина, бытует в народе бесчисленное множество пословиц, например атлы кеше – батыр, атыз кеше – тик ытыр ‘человек, имеющий лошадь – богатырь, безлошадный – ничто’.

Об особом отношении башкир к понятию ат и смыслу этого слова говорят многочисленные фразеологические единицы, функционирующие в башкирском языке: ат кеүек ‘как лошадь’ (о дородном человеке), ат кеүек эшләү ‘работать как лошадь’, ат күзендәй ‘слишком маленький’ (досл. с конский глаз – говорится при приуменьшении размера чего-л.), ат колонлатыу ‘тянуть время, медлить’, ат менгәндәй булыу соотв. ‘на седьмом небе’, ат еткән ергә ат, хат еткән ергә хат ебәреү ‘распространение новости в разные стороны, разным способом’, ат саба тип, эт саба ‘лошадь скачет, – говоря, собака бежит’ (о бездумном подражании), ат дағалағанда, бака ботон кыстырған ‘когда подковывали лошадь, лягушка ногу ее держала’ (о хвастуне, преувеличивающем свой вклад в какое-либо дело). Имеется в обиходе и порочное выражение атлы казак кеүек (досл. ‘как конный казах’), используемое по отношению к человеку, который нахально, непристойно притесняет кого-либо. Предполагается, что в данном фразеологизме выражена историческая взаимосвязь башкирского и казахского народов в прошлом, когда казахи доставляли башкирам немало бед и несчастий.

Немало в башкирском языке и таких фразеологизмов, компонентами которых являются лексемы, обозначающие конское снаряжение:

ат кеүек ‘как лошадь’, дилбегә буйы ‘очень длинный (предмет, вещь)’, дилбегә кулдан ыскыныу ‘упустить бразды правления’, дилбегәне бушатыу ‘ослабить бразды правления’, дилбегәне кулға алыу ‘взять бразды правления в руки’, дилбегәне кыска тотоу ‘усилить бразды правления’, күсәр баштары бәрелеү ‘враждовать’, күпер башында күсәр башы эләккән / күсеп барғанда күсәр баштары тейгән ‘далекий родственник’, тәртәгә инеү ‘обретя работоспособность, начать помогать’, тәртәһе ерек (мурт) / тәртәһе шыйык ‘обидчивый’, тәртә буйы ‘очень долгий, очень далекий путь (говоря с шуткой)’, тәртәгә тибеү ‘упрямиться’, тәртәһе кирегә бороу (шакарыу) ‘отказавшись от сказанного слова, делать наоборот’, тәртәнән сыгыу ‘делать вне правила, по-своему’, тәртәһе кыска тотоу ‘относиться критически, остро, жестко’, тәртәһе үзенә шакарыу ‘провернуть дело, слово в свою пользу’, тәртәһе кыска ‘с жестким характером’, кояш һөңгө (тәртә) буйы күтәрелгәс ‘период между утром (после значительного подъема солнца) и полднем’, койошканға кысылған тизәк ‘к каждой бочке затычка’ и др.

Среди компонентов башкирских фразеологизмов встречается и лексема дөйә ‘верблюд’, который также не был чужд башкирам, если иметь в виду мнение С.И. Руденко со ссылкой на записи П.С. Палласа и В.М. Черемшанского, согласно которому верблюды играли весомую роль в жизни башкир Исетской провинции за Уралом, башкир по рекам Агидель (Белой), Деме, Сакмаре и Исети в XVIII–XIX вв. [13]. В нынешнем скотоводстве верблюды отсутствуют вообще. Фразеологизмы с компонентом дөйә: дөйә койрого ергә еткәс (тейгәс) ‘когда хвост верблюда коснется земли’ соотв. ‘когда рак на горе свистнет’, дөйә муйынынан кәкрә ‘кривее верблюжьей шеи’ (о небрежной работе или невпадат сказанном слове), дөйә үзенә кәкрәһән белмәй ‘верблюд не знает о своей горбатости’ (о человеке, не замечаящем своих недостатков), төймәләйзе (әнәләйзе) дөйәләй итеү ‘делать из мухи слона’, досл. ‘делать из пуговицы верблюда’.

Фразеологический фонд башкирского языка довольно богат примерами фразеологизмов, образованных на основе названий животных, например: ак эт(тең) бәләһе кара эткә (перенос вины с виновного на невиновного); аранан кара бесәй үтеү (досл. ‘прохождение черной кошки между людьми’; говорят при возникшей ссоре, потере дружеских взаимоотношений); арыслан йөрәк(ле) (досл. ‘с сердцем льва’; о смелом, храбром человеке); асыл кош аяғынан эләгә (досл. ‘благородная птица попадает за ногу’; говорится со злорадством по отношению к высокомерному человеку, попавшему в трудную ситуацию); ат башындай (досл. ‘величиной с лошадиную голову’; говорится при преувеличенном назывании величины того или иного предмета); эт менән бесәй кеүек йәшәү (досл. ‘жить как собака с кошкой’) и др.

Образование фразеологического фонда башкирского языка также можно объяснить с помощью предметного кода культуры. Так, в баш-

кирском языке в эту группу можно отнести фразеологизмы, содержащие в своем составе лексемы, напрямую связанные с традиционным бытом башкир (лесоводством, охотничеством, рыболовством): урманға утын тейәп барыу / бармау досл. 'ехать в лес с дровами' (созвучное русскому фразеологизму ехать в Тулу со своим самоваром), алмаған (үлтермәгән, атмаған) айыузың тиреһен тунау 'делить то, чего пока нет на руках' арба менән куян кыуыу 'делать не то, что надо', былтыр үлгән ябалакты быйыл атып алдыңмы 'говорить о давно позабытом старом как о новости', артык бүрәнә башы 'лишний, ненужный человек' (досл. конец лишнего бревна), бүрәнә үтә бүре күреү досл. 'видеть волка через бревно' (соотв. русскому фразеологизму увидел пень через плетень, говорится о человеке, притворяющемся знающим то, чего не знает), ни арба, ни сана 'распутица, бездорожье', кәмә комға терәлеү 'сесть на мель', кәмәгә һыу инеү 'оказаться в затруднительном положении', тишек (ярык) кәмәгә ултырыу / төпһөз санаға (кәмәгә) ултырыу 'остаться с носом', ике кәмә койроғон тотоу (тотоп булмау) соотв. русским фразеологизмам «За все хвататься – все потерять», «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» и др.

Немало в башкирском языке фразеологизмов, компонентом которых является слово ук – название одного из основных орудий охотника, а также оружия воина: аткан ук кеүек 'стремительный, быстрый', йөнһөз ук 'несамостоятельный человек', Ук йондозо 'созвездие Стрелы', ук булып казалыу 'оказывать сильное воздействие на кого-то' и др.

Довольно часто встречаются фразеологизмы с компонентом балта 'топор': балта сабыу 'вредить себе или другим', балта һабы кыска 'очень пылкий, горячий', балтаһы үтмәү 'не управляться делом', билдән балта (альяпкыс) төштө досл. 'с рук дело ушло' (так с радостью говорят при рождении сына или дочери – будущих помощников), балтаһы һыуға төшкән 'он повесил нос, он приуныл' (досл. 'его топор упал в воду'); һапһыз кара балта 'безропотный, покорный человек' (досл. 'черный топор без топорщицы'), һәнәк һорағанға көрәк (балта) биреү / балта (һәнәк) һорағанға кәрәк биреү / көрәк һорағанға балта биреү 'говорить ошибочную весть; говорить о своем, не слыша другого' (соотв. русским фразеологизмам «В огороде бузина, а в Киеве дядька», «Я про лысого, а ты мне про седого», «Я ему про Фому, а он про Ерему»), әллә балта һына, әллә түмәр ярыла (означает о невозможности предугадать будущее), балта-бысак теймәгән, тумырған да һөйәгән 'тяп-ляп и корабль' и др.

Есть фразеологизмы и с лексемами усаҡ 'огонь, костер, очаг' и тирмән 'мельница': усағының төтөнө тура сыға досл. 'дым костра прямо уходит' соотв. 'не умеющий хитрить, прямой', уты һүнгән усаҡ һымаҡ (йөрөү) 'быть, ходить невеселым', тирмәнәнә һыу койоу досл. 'на чью-либо мельницу лить воды' соотв. 'помогать, сыграть на руку',

тирмәне шәп (арыу) тарта досл. ‘его жернов работает хорошо’, соотв. ‘уплетает за обе щеки’.

Широко употреблявшийся в быту башкир ком ‘песок’ также нашел отражение во фразеологическом фонде: комдан аркан ишеү ‘толочь воду в ступе (букв. из песка веревку вить)’, ком елек ‘хилый, слабый (о человеке)’, ком күз ‘жадный, алчный’, комға ултырыу ‘сесть на мель’, комға һеңгән һыу кеүек досл. ‘как вода, впитавшаяся в песок’, соотв. ‘очень хорошо усвоить’ (так говорят и по поводу неэкономной части хозяйства), комдан аркан ишеү (үреү) ‘заниматься ненужным делом’, ком елек ‘очень мягкий, слабый, хлипкий’, ком күз(ле) ‘очень жадный’, ком канлы ‘очень жестокий’, комо койола башлаган ‘старющийся, утрчивающий силы’.

Один из предметов кухонной утвари башкир – казан ‘казан, котел’ также нашел широкое употребление в башкирских фразеологизмах: казан аш ‘горячая пища’, казан асыу ‘готовить, варить пищу’; казан йәймәһе ‘большая тонкая лепешка, запеченная в котле’, казан ярыу ‘в детской игре: нарушать определенную границу’, бер казанда кайнау ‘вариться в одном котле’, тормош казанында кайнау ‘иметь жизненный опыт’, казан төбө көйөү ‘разлад, ссора, размолвка с кем-то’, ике тәкә башы бер казанға һыймау ‘две бараньи головы в один котел не лезут’, казан корһак (пренебрежительное выражение по отношению к человеку с большим пузом), казаным ташып бармай досл. ‘пища в казане пока не убегает’ соотв. ‘несрочное дело, есть время’.

Из наименований кухонной утвари лексема иләк ‘сито’ также широко употребимо в башкирских фразеологизмах: иләк менән һыу ташыу / иләктән силәккә (силәктән иләккә) бушатыу ‘заниматься ненужным делом’, вак иләктән иләү (үткәреү) / иләк аша үткәреү ‘проверять тщательно, придиричиво’, иләк ауыз ‘болтун’, ил ауызына иләк каплап булмай ‘нельзя закрыть ситом рот всей стране’ (соотв. рус. «На чужой роток не накинешь платок»), иләк менән ел тотоп булмай досл. ‘невозможно ситом ветер ловить’ (соотв. рус. «Ветра в рукавицу не поймашь», «Ветра сетью не поймашь», «Мешком солнышко не поймашь») и др.

Немалую роль в деле башкирских рукодельниц – вышивальщиц и портных – играла энә ‘игла’, что также нашло отражение в башкирских фразеологизмах: энәһенән ебенә тиклем ‘подробно, досконально, детально’ (досл. ‘с иглки до нитки’); энә күзе аша үткәреү ‘тщательно проверить’ (досл. ‘продеть, пропустить через ушко иглы’); энәләй нәмәне дөйәләй итеү ‘делать из мухи слона’ (досл. ‘вещь с иголку делать величиной с верблюда’); энә менән козок казыу ‘выполнять неимоверно трудоемкую работу’ (досл. ‘иголкой рыть колодец’); энә менән тиреһен тунау ‘мучить’ (досл. ‘снимать шкуру иголкой’); энә осондай ‘очень маленький, ничтож-

ный'; энэ төртөр урын юк 'иголку некуда воткнуть' (соотв. рус. «шагу ступить некуда»; «яблоку негде упасть»).

Лексема күлдэк 'платье' также встречается в качестве компонента фразеологических единиц: күлдэккә һыймау 'горячиться, предаваться чувству', күлдәктең яғаһын кейеп (үсөү) 'в бедности, трудности (расти)', иләнмәгән-һуғылмаған, кайным, һиңә бер ыштан (күлдэк) 'с шуткой обещать неопределенное' (соотв. рус. «Если бы да кабы, да во рту росли грибы, тогда был бы не рот, а целый огород», «Дай хлеба! – А вот погоди – вспашем да поседем»).

Во фразеологических единицах нашло отражение и слово күн 'сукно' – материал, который башкиры использовали для шитья одежды: тире йыйып күн эшлэй досл. 'собирая кожу, делает сукно' (используют для шуточного ответа на вопрос «нишлэй»), күн (сарык) бит 'бесстыжий'.

Несмотря на то, что сабата 'лапти' башкиры начали носить только в годы войны с гитлеровским фашизмом, эта лексема также нашла отражение в составе фразеологизмов: көн узһын, сабата тузһын досл. 'пусть день пройдет, лапти износятся' соотв. 'проводить время впустую; валять дурака' (говорят по отношению к ленивому человеку), сабатаны түргә элеү досл. 'лапти повесить на почетное место' (говорят по отношению к человеку, зазнававшемуся после возвышения на работе).

С помощью предметного кода культуры можно объяснить и такие фразеологизмы, на образование которых оказали влияние:

1) факты социально-исторического характера: ак билет 'документ о непригодности для военной службы', акса коло досл. 'денежный раб; говорится в пренебрежительном плане по отношению к человеку, любящему деньги и богатство', акса яуыу 'добывание денег легким путем', ак һөйәк досл. 'белая кость; человек высшего сословия'. В эту же группу можно отнести фразеологизм Әндрэй казнаһы 'бездонная бочка', в котором Андрей, по нашим предположениям, это имя правителя Уфимской губернии XVIII в. Андрея Жихарева, сильно разбогатевшего за счет обложения башкирского народа неисчислимыми налогами;

2) письменные традиции: акка кара менән язылған 'понятное, невозможное спутать', акка төшөү 'написать на бумаге', ләм-мим һүз әйтмәү 'не проронить ни одного слова, набрать в рот воды'; досл. 'не сказать ни лям, ни мим' (от названий арабских букв). Относительно фразеологизма тузға язмағанһы һөйләү 'говорить то, что не написано на бересте (нести чушь, рассказывать небылицы)' следует отметить следующее: башкиры издревле писали на камнях, коже, бересте. Надписи, сделанные на бересте, видимо, считались святыми. Только после того, как начали изготавливать бумагу, перестали писать на бересте, а выражение «тузға язмаған» так и осталось в народном языке, ныне оно означает 'пустое, лживое слово'. Бытует в народе и выражение әлепте таяк тип белмәй 'неграмотный; невежда, неуч, темный', об-

разованное на основе называния неграмотным человека, кто не знал даже того, что первая буква арабского алфавита алиф была в форме палочки. Первая буква арабского алфавита алиф, также и вторая – би нашли отражение и в другом фразеологизме элеп-бизэн башлау ‘начать с азов, с самого начала (об учебе)’.

Заключение

Таким образом, лингвокультурологический аспект рассмотрения фразеологических единиц башкирского языка с помощью соматического, биоморфного, мифологического и предметного кодов культуры позволил выявить тесную связь данных единиц языка с культурно-национальными стереотипами и эталонами.

Значимую роль в образовании фразеологизмов башкирского языка, как выяснилось, сыграли соматизмы баш ‘голова’, кул ‘рука’, йөрэк ‘сердце’, күз ‘глаз’, колак ‘уши’, аяк / бот ‘нога’, тел ‘язык’, бит / йөз ‘лицо’, кендек ‘пупок’, кан ‘кровь’, йән / күнел / кот ‘душа’, бил ‘поясница’. Мифологический код культуры позволил выявить фразеологизмы с компонентами ете ‘семь’, алып / алап / алп ‘герой’, ‘богатырь’, ‘великан’, ай ‘месяц, луна’, кояш / көн ‘солнце’, күк ‘небо’. Посредством биоморфного кода культуры объясняется происхождение фразеологизмов с компонентами ат ‘лошадь’, дилбегә ‘возжи’, тәртә ‘оглобля’, дөйә ‘верблюд’, эт ‘собака’, бесәй ‘кошка’, арыслан ‘лев’ и др. Предметный код культуры позволил обнаружить отражение в башкирских фразеологизмах таких предметов быта башкир, как утын ‘дрова’, бүрәнә ‘бревно’, кәмә ‘лодка’, ук ‘стрела’, балта ‘топор’, тирмән ‘мельница’, усаҡ ‘огонь, костер, очаг’, ком ‘песок’, казан ‘казан, котел’, иләк ‘сито’, энә ‘игла’, күлдәк ‘платье’, күн ‘сукно’, сабата ‘лапти’ и др.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы, анализируемые в данной работе, могут быть использованы при углубленном изучении ФЕ в тюркских, в том числе и в башкирском языке.

Литература

1. Муратов С.Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М. : Изд-во вост. лит., 1961. 127 с.
2. Юсупов Х.Г. Фразеология башкирского языка. Уфа, 1963. 98 с.
3. Киекбаев Дж.Г. Лексика и фразеология башкирского языка. Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1966. 275 с.
4. Уракин З.Г. Фразеология башкирского языка. М. : Наука, 1975. 192 с.
5. Уракин З.Г. Русско-башкирский фразеологический словарь. М. : Рус. яз., 1989. 404 с.
6. Уракин З.Г. Фразеологический словарь башкирского языка. Уфа : Китап, 2006. 344 с.
7. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М. : Наука, 1986. 152 с.

8. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893–1991. Т. 1–4.
9. *Гафуров А.* Имя и история. М. : Наука, 1987. 221 с.
10. *Академический* словарь башкирского языка : в 10 т. / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа : Китап, 2012. Т. IV: Й–К. 944 с.
11. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Семейный быт башкир XIX–XX вв. М. : Наука, 1991. 188 с.
12. *Башкирское* народное творчество. Т. I: Эпос; т. II: Предания и легенды. Уфа : Китап, 1987.
13. *Руденко С.И.* Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. II: Быт башкир. Л., 1925. URL: http://posredi.ru/b14_02_09_skotovod_bash.html (дата обращения: 15.03.2019).

Сведения об авторе:

Сулейманова Резида Ахметьяновна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Ордена знак почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Россия, Уфа). E-mail: suleimanova-r@mail.ru

Поступила в редакцию 17 ноября 2019 г.

EXPRESSION OF CULTURE THROUGH PHRASEOLOGICAL UNITS (ON THE EXAMPLE OF BASHKIR LANGUAGE)

Suleymanova R.A., Ph.D., Senior Researcher of the Order Badge of Honor of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia). E-mail: suleimanova-r@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/48/13

Abstract. Phraseologisms in their semantics reflect the process of historical development of the people. They manifest cultural traditions and customs that have been transmitted from generation to generation for centuries. The phraseology of the Bashkir language is studied mainly in the semantic aspect. Systematization was carried out according to the semantic content and grammatical structure of phraseological units. The study of phraseological units using cultural codes is carried out for the first time. The study of phraseological units in the cultural-linguistic aspect, makes it possible to more deeply study the life, culture and worldview of the Bashkir people. The figurative basis of most phraseological units is associated with ancient beliefs. The relevance of the above problems outlined the purpose of this article – the implementation of the linguoculturological description of phraseological units through cultural codes, recorded and embodied in phraseological units. The codes of culture correspond with archetypal representations, since it is precisely in them that the “naïve” representations of the universe are fixed. We have identified the following main cultural codes: somatic, biomorphic, subject, mythological. A significant role in the formation of phraseological units of the Bashkir language, as it turned out, was played by somatisms of bash 'head', kul 'hand', yöräk 'heart', күз 'eye', коләк 'ears', аһә / bot 'leg', bodies 'language', beat / yöz 'face', kendeк 'navel', кан 'blood', уән / күңәл / к from 'soul', beat 'lower back'. The mythological code of culture allowed us to identify phraseological units with the components of the 'seven', alip / alap / alp 'hero', 'hero', 'giant', ay 'month, moon', koyash / көн 'sun', күк 'heaven'. The biomorphic code of culture explains the origin of phraseological units with the components of at лошадь horse', дилбег ә reins, тәртә ogloblya, dyvә camel, et собака dog', demon, cat', арыслан лев lion', etc. The cultural subject code allowed detect reflection in Bashkir phraseological units of such Bashkir household items as Utyн 'firewood', byrәnә 'log', көмә 'boat', ук 'arrow', Balta 'ax', тырмән 'mill', mustache 'fire, bonfire, hearth', көм 'sand',

ккзан 'cauldron, cauldron', iläk 'sieve', enä 'needle', kyldäk 'dress', kын' souk of 'Sabat' sandals', and others.

The practical significance of the work lies in the fact that the materials analyzed in this work can be used for in-depth study of phraseological units in the Turkic, including the Bashkir language.

Keywords: Bashkir language; phraseology; phraseological units; cultural linguistics; cultural codes.

References

1. Muratov S.N. Steady phrases in Turkic languages. Publishing House of Eastern Literature, 1961. 127 p.
2. Yusupov H.G. Phraseology of the Bashkir language. Ufa, 1963. 98 p.
3. Kiekbaev J.G. Vocabulary and phraseology of the Bashkir language. Ufa: Bashkir book publishing house, 1966. 275 p.
4. Uraksin Z.G. Phraseology of the Bashkir language. M.: Nauka, 1975. 192 p.
5. Uraksin Z.G. Russian-Bashkir phraseological dictionary. M.: Rus. Lang, 1989. 404 p.
6. Uraksin Z.G. Phraseological dictionary of the Bashkir language. Ufa: Kitap, 2006. 344 p.
7. Ishberdin EF Historical development of the vocabulary of the Bashkir language. M.: Science, 1986. 152 p.
8. V. Radlov. Experience of the dictionary of Turkic dialects. SPb., 1893-1991. T. 1-4.
9. Gafurov A. Name and history. M.: Science, 1987. 221 p.
10. ASBA = Academic Dictionary of the Bashkir language: in 10 tons. / Ed. F.G. Khisamitdinova. Ufa: Kitap, 2012. T. IV. Yk 944 s.
11. Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. Family life of the Bashkirs of the XIX-XX centuries. M.: Science, 1991. 188 p.
12. BNT = Bashkir folk art. Volume I. Epic; volume ii. Legends and legends. Ufa: Kitap, 1987.
13. S. Rudenko. Bashkirs. Experience ethnological monograph. Part II. "Life Bashkir." Leningrad, 1925. Source: POSREDI.RU - http://posredi.ru/b14_02_09_skotovod_bash.html (visit time: 03/15/2019).

Received 17 November 2019